

Национальная специфика категории «страдание» в истории русской культуры

Обухова Татьяна Михайловна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории и теории мировой культуры, Москва, Россия

E-mail: vysotsskaya@rambler.ru

Часто понятие, категория или феномен имеют национально-культурный оттенок. Например, как объяснить иностранцам, говоря о страдании, что носители русского языка вкладывают в эту категорию?

С одной стороны, слишком много в языке такого, что не поддаётся точному исчислению или даже самому своему определению: «Исключительное богатство естественного языка, его способность конденсировать совокупный коллективный опыт культуры в единый, контролируемый, усваиваемый код - именно эти уникальные свойства языка делают его категории неуловимыми для истолкования, несмотря на наши сознательные усилия достичь его» [3]. С другой стороны, по мнению Д. С. Лихачева: «Национальные черты народа существуют не в себе и для себя, а для других. Они выясняются только при взгляде со стороны и в сравнении, поэтому должны быть понятны для других народов, они в какой-то другой аранжировке должны существовать и у них» [4].

Для объяснения категории «страдание» стоит в первую очередь обратиться к словарям: толковым, фразеологическим, этимологическим, философским.

Помимо словарных статей стоит обратиться как к прецедентным текстам: картина, фильм, фотография, музыкальное произведение, так и к литературным текстам.

Крупный церковный деятель Екатерининской эпохи в России Дамаскин (в миру Дмитрий Семёнов-Руднев) выделял три фактора, которые лежат в основе народного сознания: «1) «климат», «качество воздуха», «местонахождение» страны; 2) «воспитание» и «обращение с людьми»; 3) «форма» или «система» правительства» [5].

Действительно, эти обстоятельства сильно влияют на смысл и самую сущность страдания в национальном сознании. Суровый, контрастный климат отразился и в русском языке, где слово «страда» означает необходимость усиленно трудиться, «спешно сымать и убирать хлеб и сено» [2].

Существенное влияние на значение слова «страдание» оказало православие. Одна из евангельских заповедей говорит, что счастье - это награда человеку за его терпение, смирение, его честность и справедливость. Чтобы почувствовать счастье, человек должен очиститься страданиями. Значит, счастье русские воспринимают не как отдельный факт или приятную сторону жизни, которую можно «организовать», устроить, купить, добиться и т.д. Оно для них неразрывно связано с несчастьем и страданиями. Недаром говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло», «Горя бояться - счастья не видать» и т.д.

Русская культура за свою многовековую историю выработала универсальные принципы отношения к страданию. Одно из них связано с особой сдержанностью в выражении русского страдания, которое всегда не напоказ, а внутри себя, чтобы не «заражать» своим чувством горя других. М. А. Шолохов в своей знаменитой повести «Судьба человека» дал ёмкую формулу этой черты русского характера: «Видали вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертельной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника» [6].

Вековая мудрость народного страдания воплощена в русской культуре фигурой юродивого. Юродивость - это православно-христианский путь духовного возвышения через сознательное социальное и физическое самоуничтожение, связанное с осуждением общества. В феномене юродства сочетаются нежелание выставлять своё горе людям, саркастический смех над злой участью, оптимистическая вера в то, что страданиям должен наступить конец.

Интересно отметить, что слово «страдать» в русском языке используется только в пассивном залоге. В русском языке есть глагол «страдать», но нет глагола «страдаться». Тем самым язык намекает нам, что страдание - это то, что всегда вопреки воле, оно приходит из вне, оно с нами случается, его приходится претерпевать. Отсюда «нестерпимое страдание».

Концепция русских философов, прежде всего Ф. М. Достоевского, Н. А. Бердяева, Вл. Соловьёва, Н. О. Лосского, Л. П. Карсавина, Г. П. Федотова, И. А. Ильина в отношении «страдания - сострадания ближнему» связана, главным образом, с концепцией русской соборности. Для русской культуры сострадание к ближнему является имманентным свойством души русского человека, заложенным на уровне нравственного инстинкта.

Страдания для русского народа бывают и созидательными. Ф. М. Достоевский в своих романах говорит, что страдания ценны: они очищают душу человека от глупых мелочей, возвышая её, они необходимы тому, кто хочет стать личностью, более тонкой и внимательной к чужой жизни.

Таким образом, русский национальный характер, безусловно, имеет свои характерные черты, отличные от черт, присущих иным народам и также непонятные для них. Терпимость к чужому образу жизни, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, выносливость к неблагоприятным факторам, историческая необходимость принять сильную и насильственную власть укрепила традицию смирения и освоения её через внутреннюю стойкость. Таким образом, страдание имеет свою национальную историю.

Источники и литература

- 1) Вадеев А. Г. Феномен страдания в культуре современности: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Вадеев А. Г. М., 2005.
- 2) Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. М.: Русский язык, 1980. Т. 4. С. 334.
- 3) Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. / О. А. Корнилов. М.: ЧеРо, 2003. С. 131.
- 4) Лихачев Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев. М.: Советская Россия, 1984. С. 19.
- 5) Титков Е. П. Церковные проповеди Дамаскина как источник изучения истории российского просвещения второй половины XVII века / Православие и проблемы воспитания. Н.Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. 2000. С. 105.
- 6) Шолохов М. А. Судьба человека / М. А. Шолохов. М.: Детская литература, 1969. С. 28.